

ХРАНИТЕЛИ: «ПОЛИТИКА ЦЕННОСТЕЙ»*

Татьяна Филиппова
Российский исторический журнал «Родина»,
АИРО-XX

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСЕРВАТИВНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ.....	2
...И СТАБИЛИЗИЦИЯ.....	6
ПРОФЕССИОНАЛИЗМ КАК УБЕЖДЕНИЕ	10
МИФ ДЛЯ ВЛАСТИ.....	12
«ПАТРИОТИЗМ БЕЗ ФАНТАЗИЙ».....	13
«ДЕЛО ДЖЕНТЛЬМЕНОВ»	15

* Опубликовано в «Независимой газете» от 12 января 2000 г.

Сохрани Боже порицать друг друга за веру.

К.П. Победоносцев

Ценностный нейтралитет – не для консерватора.

М. Тэтчер

Современный французский философ Пьер Бурдьё дал как-то дельный совет политикам, претендующим на роль консерваторов – «сэкономить на ошибках, на которые обрекают себя те, кто игнорирует факт, что недостаточно развернуться в обратную сторону от ошибки, чтобы прийти к истине». Совет дельный, если учесть, что политический консерватизм – не учение и не набор доктрин, а тип реагирования на перемены в обществе, особый характер политического поведения, а не свод готовых рецептов. Всегда существует опасность (или соблазн) принять (или выдать) за консерватизм прямую реакцию на вызов времени по принципу «от противного». Болезненное состояние массового сознания, травмированного шоком очередной модернизации, лишь усугубляет непроясненность вопроса о том, что есть российский консерватизм сегодня, чему он наследует и сумеет ли реализовать свой шанс в будущем.

КОНСЕРВАТИВНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ...

Попытка устроить смотр рядов отечественных консерваторов, а, вернее – тех, кто не без скрытого удовольствия стремится представить себя в этом почетном для европейской политической традиции качестве, приводит наблюдателя в смятение.

...В 1991 году немецкий политолог Г. Рормозер назвал Бориса Ельцина *«ценностным консерватором»* и *«консервативным популистом»*, но после 1993 года к этой теме уже не возвращался. Четыре года назад с имиджем консерватора играл Черномырдин – крепкий хозяйственник и профессионал, а потому – «человек дела», а не «либеральной фразы». Сколь простодушно, столь и неубедительно называл себя консерватором и Шахрай. А недавно в этом амплуа выступили Рыжков (мл.) и Михалков (мл.). Увы, декоративный консерватизм нашего талантливого режиссера столь же близок к российскому консерватизму прошлого века, как сценарий «Гусарской баллады» – к эпосе «Война и Мир».

Впрочем, есть ещё лидер Консервативной партии Лев Убожко с тремя поданными за него на последних выборах голосами, да неизменный, колоритнейший депутат Шандыбин...

Сложнее обстоит дело с молодыми и задорными «правыми» из СПС, охотно каламбуящими по поводу своей «правоты-правизны». Но об этом – позднее. Пока же выскажем соображение, что и нынешняя неразбериха с термином «консерватор», и наивное консервативное «самозванчество» – вещи неслучайные. Они – результат особенностей самого консерватизма как явления мировой политической культуры, а также показатель состояния нашего политического театра, испытывающего острый дефицит этой самой культуры.

К слову сказать, до XVIII века «консерваторами» в Англии называли избранных от общины защитников законов и наблюдателей за их исполнением, а во Франции – хранителей и знатоков собраний древностей.

Политический же смысл консерватизма как типа мышления, укорененного в философском, религиозном и обыденном сознании, впервые отчетливо сформулировал английский мыслитель и политик

Эдмунд Берк. Жесткий рационализм философии Просвещения и гильотинная практика Французской революции приводят его к мысли о том, что единственный достойный политика курс это *«способность к сохранению при готовности к улучшению»*. Обходясь пока без самого термина «консерватизм», он четко формулирует его политическую тактику: *«Своевременное преобразование есть дружеское соглашение, когда у власти ещё друг, тогда как запоздалые реформы – вынужденный договор на условиях, навязанных победившим противником»*. (В течение двух последующих столетий и либералы и консерваторы будут соперничать за право считаться наследниками Берка, ставя тем самым политологов в тупик.)

Континентальные единомышленники Берка – Шатобриан, Жозеф де Мэстр, Бональд – пополняют политический этос консерватизма тем, что можно было бы назвать *«жизнеутверждающим пессимизмом»* – осознанием того, что *«мы недостаточно совершенны для совершенных учреждений»*. Поэтому столь опасными для здоровья общества им будут представляться и сугубо рациональные проекты либералов, и свирепо-оптимистичные утопии социалистов. Ведь в них, как правило, не учитывается консервативная природа масс как объекта подобного радикального «осчастливливания». Как говаривал русский историк С.М. Соловьев, *«нравы указом не изменишь»*.

А меж тем менялось в мире многое. К концу XIX века развитые страны мира прорвались в новую реальность индустриального общества, осуществив модернизацию социально-политического и духового уклада общества. Политический консерватизм на Западе (и не только) все больше становится амортизатором, регулирующим степень давления перемен на наиболее уязвимые общественные слои. При этом все чаще срабатывает присущий консерватизму принцип «идейного хамелеонства», когда консерватор ловко овладевает оружием противника, побеждая в итоге на чужом политическом поле.

Так, немецкие консерваторы во второй половине XIX века упорно и не без успеха разрабатывают новые формы и методы социальной политики государства в отношении беднейших слоев, стремясь перехватить инициативу у социалистов. «Государственный социализм» Бисмарка – явление именно этого порядка. Экстравагантный, но мудрый британский премьер-консерватор Дизраэли преподносит королеве Виктории императорскую корону и при этом осуществляет курс «торийской демократии». «Либеральная империя» Наполеона III овладевает популистской риторикой «социальных гарантий». Даже далекая Япония на свой манер консервативно модернизируется в эпоху Мэйдзи, а период Танзимата дает пример консервативного реформаторства по-османски.

Отказ от выдвижения всеобщих моделей политического устройства, опора на многообразие политических, религиозных, исторических традиций каждой страны делают консерватизм этого времени привлекательной мировоззренческой ориентацией для политиков, способных сочетать здравомыслие и рассудительность с творческой энергией. В этом контексте антитеоретичность и антиидеологичность консерватизма становились ценным стратегическим преимуществом. Избегая идейных споров и не растрачивая себя в интеллектуальной полемике, консерваторы прошлого делали, по словам западного историка, то, что, собственно, хорошо умеют делать и по сей день – *«толково расходовать деньги и побеждать на выборах»*.

«Консервативным обновлением» назвала западная политическая наука это сильное государственное реформаторство с опорой на национальные традиции и с учетом социальной себестоимости преобразований. Не становится ли это определение чрезмерно противоречивым, попадая на отечественную почву?

...И СТАБИЛИЗИЦИЯ

Сразу оговоримся, что называть себя консерватором в дореволюционной России было не совсем прилично («передовое общество» осудило бы). Рисковали это делать либо безнадежные ретрограды в отставке, либо люди с бесспорной либеральной репутацией – вроде государственника-правоведа Б.Н. Чичерина. В своих воспоминаниях он приводит разговор с британским журналистом и страноведом Дональдом Маккензи Уоллесом. *«Знаете ли, что меня в России поражает, – спросил англичанин, – то, что я не встречал ещё человека, который был бы консерватором в том смысле, в каком понимают это англичане, то есть стоял бы за постепенное улучшение существующего. У вас одни хотят все ломать в видах прогресса, другие все ломать, чтобы идти назад». «Позвольте представить вам в моем лице один из экземпляров этой редкой породы», – ответил Чичерин.*

Чтение мемуаров и дневников высших государственных деятелей Российской империи также озадачивает: и у них термин «консерватор» не вызывает особого уважения, как-то с трудом сочетаясь с представлением о культуре. Нарастающая радикализация общественных настроений приводила к тому, что даже эти хранители основ государственности не чувствовали положительного смысла в слове «консерватизм». Открыто воспевать «правое дело» мог себе позволить разве что М.Н. Катков с его острым пером и агрессивным журналистским талантом, да и то лишь в собственных изданиях.

Но это – из области дефицита консерватизма в политической теории. С государственной практикой все обстояло иначе. Весь прошлый век в России прошел под знаком энергичной консервативной стратегии. Менялись (а вернее – ритмично чередовались) лишь тактики. Общим знаменателем различных царствований был курс на сохранение

социальной и политической стабильности российской государственности методами преобразований «сверху». Однако этот «общий знаменатель», освященный для самодержца традицией византийской православной автократии, не казался столь уж бесспорным ни обществу, ни аппарату власти. «Закрытость», «монологичность» политической культуры самодержавия приводила к «сдвигу» в трактовке многих понятий: умеренно-консервативные по европейским стандартам Великие реформы 1860–70-х годов воспринимались как «заря либеральной эры», а общественные деятели либеральной ориентации – как «невозможные радикалы».

На деле же и «дней Александровых прекрасное начало», и николаевское «самовластие», и эпоха «Царя-Освободителя», и «контрреформы» Александра III различались лишь тактикой – ставкой на различные методы **консервативной стабилизации**, в том числе и с помощью либеральных реформ. В этом смысле борьба в правительстве между тогдашними «правыми» и «левыми», между «партией порядка» и «партией прогресса» была не столько политической полемикой, сколько поиском оптимальных способов реагирования в рамках широко понимаемого консервативного мышления. Очередные социально-экономические преобразования необходимо было снабжать новыми социально-политическими «предохранителями», дабы сделать тем самым **модернизацию контролируемой**.

Что же касается идейных амплуа, то тасовались они причудливо и драматично. К примеру, всевластный шеф жандармов и грозный лидер «русских тори» граф П.А. Шувалов неожиданно выступил с идеей введения ограниченных выборных начал, был тут же заподозрен в «аристократической фронде» и разжалован послом в Англию. А главный инициатор либеральной реформы в армии – военный министр Д.А. Милютин – придерживался жесткого имперского курса во

внешней политике и активно боролся с «конституционными мечтаниями», усматривая за ними стремление знати ослабить власть императора, этого единственного гаранта либеральных преобразований. Он же выразил и общее для тогдашней «команды реформаторов» кредо: *«Реформа у нас может быть проведена только властью»*.

Какая знакомая установка! Впрочем, тогдашнюю эпоху с нынешней роднит ещё один важный момент. То, что происходило тогда в стране, было гораздо серьезней очевидного, вроде бы, колебания маятника: «реформы–контрреформы». Власть настойчиво искала адекватное ситуации поведение в условиях, когда в обществе менялась самая фундаментальная система – **система ценностей**. Харизма самодержавия, его абсолютная нравственная и правовая легитимность, под воздействием европейского политического опыта переставала казаться столь уж бесспорной. Новые же идейные харизмы менее патерналистского свойства – «правовое государство», «общее благо», «национальная идея» – не обрели пока стройности системы и были слишком далеки от российской реальности. Поэтому политический спор шел не только вокруг принципов обновления легитимности, но и в сфере обращения к хорошо забытым старым традициям (новгородское вечевое народоправие, сословное представительство Земских соборов, опора на «земщину» и «власть лучших»).

Позднее, при двух последних Романовых, национальный окрас «консервативного обновления» обнаружился и в содержании, и в стиле эпохи. Поощрение «отечественного производителя» (протекционизм в промышленности и торговле), ускоренная индустриализация, беспрецедентное железнодорожное строительство сопровождалось торжеством «старомосковского стиля» в искусстве, в архитектуре, в повседневной моде. Достигшая своих геополитических пределов Империя обозначила национальный оттенок своей державности сим-

волическим жестом – массовым строительством православных храмов в византийском стиле по периметру границ.

Так власть на рубеже XX века все более покидала «европейский гранит» своего петербургского основания, долго сдерживавшего тектонику народных недр. Небезопасная игра на опрощение с «национальной идеей» (и это – в полиэтничной и поликонфессиональной стране!) всё чаще отдавала привкусом погрома. То, что на рубеже веков хорошо удалось государственному консерватизму в сфере индустрии и искусства, гораздо менее удачно реализовалось в области политики и социальных отношений. Высший, духовный консерватизм имперской традиции – как начала универсалистского – вступил в противоречие с опрощенной практикой тогдашних «охранителей». Сбылось предсказание просвещенного консерватора П.А. Валуева, ещё в 1860-х годах предрекшего угрозу стабильности России со стороны духовного «оплебегания» (популистского опрощения власти) и политического «обрусения» (возврата к нравам и стилю допетровской эпохи).

В этих обстоятельствах энергичный, но запоздалый столыпинский прорыв интересен для нас как попытка сочетать стратегический консерватизм с тактическим радикализмом мер. И всё это – на фоне заботы о примирении самодержавных начал с законностью. *«Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое»*, – заявит Петр Аркадьевич на заседании II Государственной думы. Создать сильное государство национально-го согласия – так можно сформулировать цель консервативного проекта последнего из немногочисленной, но яркой плеяды хранителей, выдвинутых традиционным режимом и им же обреченных на непоследовательность действий. Как это по-нашему!

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ КАК УБЕЖДЕНИЕ

XX век стал тяжелейшим испытанием для консерватизма как явления политической культуры. «Внебрачными детьми» его стали два бедствия эпохи – правый радикализм национал-социалистов и тоталитарное огосударствление сталинизма. Небезопасное манипулирование с традицией, людоедские игры с архетипами «триумфа воли» и «мирового льда» привели к «Третьему Рейху» с той же неизбежностью, с какой популистские идеи «народного государства» как высшей ценности выстроили «Союз нерушимый» и обеспечили «десять тысяч лет счастья» Председателю Мао.

Консервативная мысль Запада в полной мере учла уроки новейшей истории. Консерватизм все более осваивает новые параметры, деловито отбирая у либерализма его излюбленные установки на государственное невмешательство, фритредерство, общественную инициативу и свободное ценообразование. Последняя четверть уходящего века предоставила западным консерваторам уникальный шанс, и они его реализовали мастерски. Более того, в лице своих наиболее ярких представителей – «железной леди» и «президента-ковбоя» – они сумели перехватить историческую инициативу и у либералов, и у социал-демократов, сделав их стратегию своей тактикой. Свободно и толково оперируя идеями и установками политических конкурентов, они сделали гораздо больше них для утверждения ценностей правового государства, либеральной демократии и «общества равных возможностей».

Сколь профессионально, столь и искренне новые консерваторы боролись против социального иждивенчества и обременительного государственного вмешательства, толково провели налоговую реформу и приватизацию. В итоге же победили в «холодной войне», преодолели

инфляцию, добились устойчивого экономического роста, технологического обновления и создания огромного количества рабочих мест. Так неужели же все это – лишь за счет заемной тактики?

Все гораздо интереснее. И Маргарет Тэтчер, и Рональд Рейган не скрывали секрета своего стратегического успеха. «Экономика – метод; цель – изменение в сердцах и душах!», – так формулировала свой девиз Тэтчер и проводила его в жизнь, умея обращаться к людям (по её же словам) «поверх голов циничной, бездарной элиты». То, **что и как** делали западные консерваторы 70-80-х, было **политикой ценностей, политикой убеждения**, а не холодного либерального консенсуса.

О Рейгане говорили, что он дал Америке «веру и надежду». А это очень серьезно. Никакие PR-технологии, никакое манипулирование общественным мнением тут не сработало бы, если бы современные консерваторы не освоили, не пропустили через себя – искренне и вдумчиво – ценностную традицию консервативного поведения в политике. Они вернули своим избирателям роскошь иметь моральные ценности и уважать исторические традиции. Эти «пессимисты по определению» смогли пробудить в людях чувство уверенности и оптимизма, помогли западному человеку вернуть уважение к семье и государству, не претендующему на вторжение в их частную и деловую жизнь.

Даже в 90-х, проигрывая на выборах лично, консерваторы побеждают исторически, вынуждая своих либеральных, лейбористских и социал-демократических оппонентов продолжать по сути неоконсервативный курс. Это ли не победа над временем?

МИФ ДЛЯ ВЛАСТИ

Рискну высказать соображение, что в постсоветской России политический консерватизм отчетливей всего присутствует в форме мифов верховной власти. Мифы о власти за последние 10 лет проделали стремительный путь «вправо» – от *«политической озабоченности»* до *«политической индифферентности»*; от жажды *«власти просвещенной»* до тоски по *«сильной руке»*; от власти как *«единственного европейца»* (Горбачев) до власти *«национальной идеи»* (Ельцин); от мифа *«Центр = эксплуататор России»* к мифу *«регионы = паразиты и отщепенцы»*. Стремление к новой властной самоактуализации просматривается за этим достаточно четко.

И всё же в полной мере отечественный консерватизм проявляет себя в мифах для власти. На этом уровне грандиозность масштаба рефлексии проступает с особой силой – ибо подобные мифы служат самоопределению режима в высшем, духовно-политическом пространстве (в стиле наиболее пафосной мифологемы прошлых столетий *«Москва – Третий Рим»*).

В постсоветскую эпоху колода мифов этого «державного» уровня тасовалась также весьма динамично. (Знали ли «верхи», наспех формируя свой новый имидж, что делают это по рецепту Р. Нибура, утверждавшего, что «современная история может приобрести смысл только с помощью мифа»?) Либеральные мифы *«общеевропейского дома»* и *«нового мышления»* после недолгой интерлюдии 1991–1993 годов и амбициозного *«парада суверенитетов»* резко сменились строгим историческим мифом *«России единой и неделимой»* – в режиме судорожного выяснения отношений со своенравными окраинами.

Итог эволюции мифов этого уровня на сегодняшний день особо значим, поскольку фиксирует актуальный момент современности –

консервативную революцию «сверху». Факт этот откровенно подчеркивается государственным патернализмом, грамматически зафиксированной формой 3-его лица: «Президент знает...», «Президент обеспокоен...», «Президент не допустит...» и т.д. Особенностью времени становится – увы! – «игра на понижение» общенациональной ценности «мифа власти»: пафос 1000 лет русской истории, её побед и завоеваний, прагматически, но не талантливо расходуется на оправдание «конституционных переворотов», кадровой чехарды и очередной отставки очередного премьера.

Нельзя недооценивать значение консервативных мифов этого уровня, несущих функцию, чрезвычайно важную для страны с давними государственными традициями: они призваны устанавливать символическую общность социума. А потому в принципе могут становиться инструментами широкомасштабного идейного манипулирования массами. Здесь-то и требуется этика политического консерватизма, задающая **нравственную полноценность** социальным и духовным ориентирам подобного манипулирования. И это – проблема не только для России.

«ПАТРИОТИЗМ БЕЗ ФАНТАЗИЙ»

В нынешних «сумерках века» общей угрозой духовному здоровью – как России, так и Запада – становится искушение правящих элит поиграть в радикализацию консервативно- мифологических представлений масс. А общее информационное пространство сообщает этому процессу поистине электронные скорости. (Идеи, высокопрофессионально переданные культовыми американскими фильмами последних лет – к примеру, «Солдат Джейн» или «Спасти рядового Райна» – весьма далеки от мирного апофеоза и консервативного благополучия

старенькой *«американской мечты»*, зато очень созвучны карательному настрою бомбовых ударов по Белграду.)

Лозунги скорого и счастливого «капиталистического будущего» в «национальном исполнении», легкомысленно вброшенные в общественное сознание в 90-х, взошли на неподатливой, истощенной экспериментами почве России сорняками криминального бизнеса. А *«миф власти»* – мудрой, всезнающей, убелённой сединами – миф, созданный для внешнего потребления, мстит за свою искусственность: сама власть начинает в него верить и, следовательно, становится его жертвой (напомним указанную выше форму третьего лица единственного числа, неизменно употребляемую в своей речи главным харизмоносителем нынешнего государства).

Создание символического пространства для российского консервативного проекта (на уровне знака, лозунга, идеи, образа) – захватывающая, но очень трудная задача. Адресат уж больно разнороден. Российская деревня, вступая в новое тысячелетие, в массе своей живёт на уровне бытовой цивилизации XVII века; провинциальный город зачастую воспроизводит нравы прошлого столетия; а продвинутые обитатели столиц и индустриальных центров, уже ощущая себя в новом «миллениуме», уверенно накрываются «информационной сетью» в безвоздушном пространстве неработающей экономики.

Вся эта наша цивилизационная сумятица приводит к тому, что в массовом сознании, как в лабораторной реторте, – под нагревом и давлением – смешиваются в невообразимую смесь консервативные мифологемы *«народа-богоносца»* и *«тупого быдла»*, *«загадочной русской души»* и *«Третьего Рима»*, нетрезвой самоуверенности и массовых фобий, идей *«комреванша»* и прорыва к рынку *«любой ценой»*, восторженной американомании в быту и обострившейся американофобии во внешней политике (в силу обиды за *«братьев-сербов»*).

Всё это дает основания предположить: чем жёстче будет пресинг очередного витка модернизации «сверху», чем менее контролируемым будет её характер, тем более архаичные пласты консервативного сознания окажутся задействованы (а, возможно, и мобилизованы оппозицией) в качестве психологической компенсации такого давления. При неразвитости социального чувства и проектного мышления у нынешних властей эта ситуация грозит обрушением в ту архаику, где не христианское терпение и не гражданское чувство, а ветхозаветное «око за око» будут определять характер массовых реакций на очередное «административное творчество» режима. И это вполне реально, поскольку в России, как говорил Карамзин, *«гораздо легче отменить новое, чем старое»*. Общество же в очередной раз станет жертвой «дурного» (непросвещенного) консерватизма, предпочитающего, по выражению западного политолога, *«старые грехами и новыми пороками»*.

Вывод: чем самобытней и просвещенней взгляд консерватора на политику, чем глубже он усваивает, что либеральная реформа – всего лишь тактический способ консервативной стратегии сохранения мирной, полноценной жизни общества, тем здоровее переносит общество все то, что именуется *«вызовом времени»*, *«модернизацией»*, *«цивилизационным скачком»* и прочими *«прорывами в светлое будущее»*.

«ДЕЛО ДЖЕНТЛЬМЕНОВ»

«Вы защитили дело джентльменов», – сказала перед смертью королева Виктория консерватору Дизраэли, оставляя своим наследникам Англию мощной, процветающей, стабильной державой.

Ситуация с консерваторами в нынешней России напоминает мне старый анекдот, когда женщина входит в трамвай и видит, что все

места заняты мужчинами. На вопрос: *«неужели здесь нет ни одного джентльмена?»*, она получает ответ: *«джентльменов – навалом, местов нет!»*. Так и у нас. Случаются консервативные решения, мелькают консервативные заявления, обыгрывается консервативный стиль, но консерваторов, строго говоря, у нас пока нет. Консерватором и вправду быть трудно. До ценностного консерватизма надо не только доучиться, но и додуматься, дочувствоваться, и, как сказал бы Солженицын, «не дать себя замотать» конъюнктурой политического момента.

Сейчас в России, как и до революции, лишь государство в какой-то степени представляет институциональный фундамент консерватизма. Слабое развитие гражданского общества, склонность к крайностям, отсутствие влиятельного среднего класса, зачаточный уровень политической культуры у финансовой элиты – все это, как и сто лет назад, препятствует развитию консерватизма в общественной среде, вне властных рамок. Потому-то так убедительно провалился заказ президента на создание новой «национальной идеологии», что никакой конструктивной идеи переименности – кроме державостроительства – наши искушенные интеллектуалы выдумать не смогли. Беспомощность общественной мысли стала убедительной победой верховной власти – единственной более или менее консервативной реальности (даже при всех своих радикальных наклонностях и непрогнозируемом поведении). Бесспорность прерогатив этой власти – главный факт, и с этим у нас строго! Как любит повторять нынешний лидер британских консерваторов У. Хейг, «я – за патриотизм без фантазий».

Но вернёмся к явлению, о котором мы вскользь упомянули в начале разговора, перечисляя отечественных претендентов на звание консерватора. «Союз правых сил»... Хочется добавить: «имени Михаила архангела». Знают ли создатели этого объединения, как в нашей

Государственной думе девяносто лет назад называли тех, кто заявлял себя «правыми»? «Зоологическими националистами», а за глаза – «жидобоями». Оно, конечно, XX век радикально перетасовал понятия «правого» и «левого» в политическом спектре. Но не настолько же, чтобы поколению молодых, высокообразованных и знакомых с мировой культурной традицией политиков не чувствовать, что в нашем отечестве «правые» ассоциируются либо исторически – с «чёрной сотней», либо актуально – с монстрами тоталитаризма. А английский политологический словарь дает и вовсе недвусмысленное определение термину «правые»: *«сторонники тоталитаризма, принципиальные противники как консерваторов, так и либералов»*. Вот ведь как некрасиво получается. А ещё рыночной экономикой нас манили...

Отчего же младореформаторам и их последователям понадобился столь явный терминологический подлог? Не оттого ли, что принудительно и бездарно вводя «либеральные ценности», они на десятилетия вперед дискредитировали само это понятие, отвратив от него – нет, не стариков, те и не такого навидались – но **поколение 90-х**? Под натиском гайдаровско-чубайсовской модернизации оно-то действительно сдвинулось вправо – к крайнему национализму, неоязычеству, тантрическому буддизму (в духе Баркашева) и прочей небезобидной экзотике.

...Когда зачинатель нашей молодежной «правизны» Егор Гайдар, выступая перед электоратом в сибирской глубинке, в ответ на вопрос о своих религиозных убеждениях со всей прямотой ответил, что он, мол, *агностик*, это, перепугало людей больше, чем если бы он признался в тайном грехе или непривычном извращении... Поразительное отсутствие поведенческого чутья, социального такта, культурной интуиции, боюсь, навсегда (а не на время политического отрочества) блокирует людям подобного склада возможность овладеть консервативным типом мышления.

Нужны ли младореформаторы «нового призыва» в актуальной политике? Конечно! Их поколенческая витальность полезно разнообразит состав новой Думы. Но пусть уж потрудятся отстирать прежние либеральные одежды и не скрывать свою не слишком популярную нынче политическую идентичность под маской просвещенного консерватизма. А то ведь на них вперед гардеробу не напасешься.

В начале XX века британский мыслитель Г.К. Честертон, объясняя стабильность политической системы своей страны разумным консерватизмом *людей во власти*, а не *институтами власти*, упомянул притчу о луке Робин Гуда. Поднять этот лук может каждый, натянуть тетиву способен сильный, но в цель попадет тот единственный, кому это дано.

Когда представители наших политиков и государственных деятелей обращаются ко мне с деловым предложением создать образ современного консерватора «по мерке» их патрона, я начинаю с того, что рассказываю эту притчу. И в ответ на недоуменное молчание заказчика безнадежно перечисляю материал, который для этого политического «костюма» нужен: **вера в нравственные ценности, бережное отношение к человеку и обществу, высокий профессионализм, элитарная образованность, джентльменская порядочность по отношению к оппоненту, социальное чувство и поведенческий такт, доверие к собственной исторической традиции, талантливая интуиция хранителя...**